

© А.М. Хазанов

О РУССКИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Я думаю, что книга Н.П. Космарской могла быть написана только российским ученым и именно в России. Западные исследователи относятся к проблеме русского населения в странах ближнего зарубежья с гораздо большей отстраненностью и поэтому могут счесть эту книгу излишне эмоциональной и полемичной. Но в конечном счете это дело стиля, индивидуальных авторских особенностей и даже политических симпатий. На мой взгляд, подчеркнуто либерально-демократическая позиция Н.П. Космарской только делает ей честь. Для меня, однако, важнее рассмотреть проблему *sine ira et studio* и в сравнительной перспективе.

Распад всех империй нового времени сопровождался обратной миграцией из колоний лиц европейского происхождения (а иногда и не только европейского – достаточно вспомнить судьбу индийцев в Восточной Африке). Процесс этот в одних случаях был весьма быстрым, а в других растянулся на десятилетия и продолжается до сих пор. Советский Союз в данном отношении не представляет исключения, во всяком случае для тех, кто, подобно Н.П. Космарской и автору этих строк, полагают, что он был империей, хотя и весьма своеобразной. Тот факт, что за время, прошедшее после его распада, в Россию переехало всего несколько миллионов этнических русских, сам по себе мало что говорит о возможных процессах в будущем.

Тем не менее, в настоящее время темпы обратной миграции в Россию из бывших советских республик значительно снизились по сравнению с первой половиной 1990-х гг., что является особенно интригующим на фоне роста нелегальной или полулегальной иммиграции. Н.П. Космарская детально исследует это явление, и ее выводы в целом представляются мне вполне убедительными.

Начиная с 1993 г., я бываю в Казахстане по меньшей мере раз в год, иногда по несколько раз в году, а реже – и в других центральноазиатских странах. И хотя мои исследовательские интересы непосредственно с русским меньшинством в регионе не связаны, я осмелюсь заметить, что знаком с проблемой не только по публикациям, но и в какой-то мере из первых рук – хотя бы потому, что она непосредственно связана с моими занятиями национализмом и нацией-государством (*nation-state*). В этой связи мне очень импонирует вывод автора обсуждаемой книги о том, что русское население в странах Центральной Азии и, возможно, в других регионах, нередко представляется значительно более однородным, чем является на самом деле. В результате главное внимание уделяется его единой групповой (т. е. этнической) самоидентификации, в то время как в настоящее время в его среде наблюдается формирование многих других идентификаций со значительными индивидуальными вариациями. Помимо прочего, они отражают различные пути и способы адаптации к новой постсоветской реальности.

Другим достоинством книги является то, что анализ положения русского населения в Киргизии и других странах бывшего СССР произведен не только в эмпирическом, но в теоретическом аспекте. На этом я хочу остановиться подробнее. Многие государства бывшего СССР нередко характеризуются как "этнократии". Мне этот термин не

кажется полностью адекватным. В таком случае Россию тоже можно было бы назвать этнократией, особенно если вспомнить, как часто некоторые российские политики выступают с рассуждениями о государствообразующей русской нации. Почти все нации-государства в современном мире в большей или меньшей степени полиэтничны. Но тот факт, что этническое большинство в них всегда имеет больший вес или что их политические классы в основном моноэтничны, сам по себе этнократиями их не делает. Иначе Францию, Германию или Голландию тоже надо называть этнократиями. Главное в другом – в том, что почти все постсоветские государства конституируются как государства с доминирующей этно-нацией, а всем, кто к ней не принадлежит, отводится роль национальных или этнических меньшинств. Иначе говоря, явно или скрыто в них превалируют идеология и практика этнического национализма. Даже в тех случаях, когда официально декларируется приверженность созданию гражданских (*civil*) наций, на практике дело обстоит совсем по-другому, что объясняется многими не только субъективными, но и объективными причинами (Khazanov 2006).

Но даже при наличии доброй воли политических классов и консенсуса среди политического населения, которые в настоящее время отсутствуют, сама возможность формирования гражданских наций в Центральной Азии в обозримом будущем представляется мне маловероятной, потому что языковые, культурные (в антропологическом или, следуя российской научной терминологии, в этнологическом понимании этого термина) и другие различия между многими этническими группами, члены которых являются гражданами этих государств, очень велики. Казахстанская или киргизстанская нации в настоящее время – не более, чем проект, а точнее – всего лишь декларация, отчасти для приобретения благоприятной международной репутации.

К тому же в практическом отношении различие между этническими и гражданскими нациями подчас значительно меньше, чем в концептуальном, и некоторые ученые уже обратили на это внимание (см., напр.: Yack 1998, Khazanov 2003). Этнические и гражданские нации отличаются друг от друга главным образом степенью своей открытости и способностью к ассимиляции. В других отношениях они имеют значительно больше общих характеристик, чем это иногда представляется. Все гражданские нации, даже американская, не говоря уже о французской, имеют культурное (а в большинстве случаев также лингвистическое) ядро и исторический нарратив, связанный с доминирующими этнокультурными группами. Как правило, такие группы составляют большинство нации и являются, или являлись, инструментальными в формировании общенациональной идентичности. Принадлежность к гражданским нациям, хотя и предполагается добровольной, всегда сопряжена с определенными условиями. Обычно она подразумевает больше, чем просто гражданство. Она предполагает также принятие и интериоризацию общенациональных культурных характеристик, истории, норм, символов и мифов, равно как и веру – если не в общее прошлое, то в общее настоящее и будущее. Все эти условия в Центральной Азии отсутствуют. При этом многочисленные примеры из прошлого и настоящего также демонстрируют, что этнокультурная дискриминация может существовать и в гражданских нациях.

В принципе для полиэтничных постсоветских государств остается еще возможность формирования политических наций, основанных на конституционном патриотизме, т.е. приверженности демократическим принципам. О таких нациях мечтает известный немецкий политический философ Ю. Хабермас (Habermas 1995). По его мнению, именно демократические принципы должны способствовать лояльности современному государству со стороны всех его граждан, вне зависимости от их этнических, культурных и иных различий. К сожалению, даже в отношении многих демократических государств призыв Ю. Хабермаса остается более пожеланием, чем действительностью. В Западной Европе это наглядно демонстрируют проблемы с интеграцией му-

сультманских меньшинств, для которых неприемлем демократический принцип отделения церкви от государства. Тем более не приходится говорить о конституционном патриотизме применительно к государствам Центральной Азии, поскольку все они в настоящее время являются не демократическими, а авторитарными.

Какова же реальная ситуация с русскими в Центральной Азии? Подчеркиваю: я имею в виду именно этнических русских, а не русскоязычных членов других этнических групп, особенно неславянских. На мой взгляд, Н.П. Космарская недооценивает различия между ними. Аккультурация, особенно языковая, и ассимиляция – это весьма разные явления, которые нельзя смешивать. Я отнюдь не являюсь сторонником примордиалистского подхода к феномену этничности, но и концепция ситуационной этничности далеко не всегда и не во всем убедительна. Тот факт, что в принципе иногда можно сменить этничность, не означает, что это всегда легко или просто возможно сделать. Едва ли есть нужда в упоминании пресловутого советского пятого пункта. Но и в современных условиях Центральной Азии многие члены различных русскоязычных этнических групп избирают разные пути адаптации или разные маршруты эмиграции. Так, русскоязычные немцы и евреи в этом отношении имеют больший выбор, чем этнические русские, т. к. могут переселиться не только в Россию, но и, соответственно, в Германию и Израиль. Едва ли случайно то, что большинство их уже покинуло регион. Впрочем, если судить по вводной статье к дискуссии, сама автор книги уже пересматривает свою позицию в этом вопросе, что, конечно, только делает честь ее научной добросовестности.

Итак, о ситуации с этническими русскими в современной Центральной Азии. Н.П. Космарская много внимания уделяет терминологической стороне проблемы, доказывая, что к ним неприменим термин "диаспора". Вероятно, в этом вопросе лучше избегать излишней категоричности. Какая-то часть русских может воспринимать себя как диаспору, другие же – нет. С чем я решительно не согласен, так это с получившим некоторое распространение в западной литературе утверждением Д. Лэйтина о формировании в постсоветских странах особых русскоязычных национальностей (*Laitin 1998*). Существенные региональные различия и политические границы, разделяющие русские (а также русскоязычные) меньшинства в постсоветских странах, в настоящее время еще не делают их различными национальностями. Конструктивизм, как и любое другое направление в изучении этничности, национальности и нации, никогда не надо доводить до абсурда.

Применительно к русским в Центральной Азии и других постсоветских странах я предпочитаю термин "этнические меньшинства" – именно этнические, а не национальные, потому что последние, как, например, франкофоны в Канаде, каталанцы в Испании или шотландцы в Великобритании, обладают особыми и признанными государством коллективными правами. Всего этого в Центральной Азии нет. Более того, такие центральноазиатские страны, как Казахстан и Киргизия, подобно, кстати, и многим другим странам в разных регионах мира, на международной арене предпочитают представлять себя в качестве нации-государства, но на самом деле таковыми не являются.

Трудно также считать их национализирующимися государствами (*nationalizing states*) в понимании, предложенном Р. Брубейкером (*Brubaker 1996*). Национализирующееся государство – это государство, нацеленное на гомогенизацию, но ассимиляционный и аккультурационный потенциал для гомогенизации в странах Центральной Азии слишком мал. Не заметно даже, чтобы они имели сколько-нибудь целеустремленную и последовательную политику в этом отношении. Там идет формирование этно-наций, в основном включающих в себя только членов этнического (титульного) большинства. На практике это означает, что русские являются гражданами соответствующих госу-

дарств, но не членами их этнических наций, т. е. их статус можно охарактеризовать как принадлежность к этническому меньшинству. Случай не такой уж редкий и в истории, и в современной мировой практике, и он отнюдь не обязательно влечет за собой дискриминацию, хотя открытая или скрытая дискриминация в определенных политических и экономических сферах в подобных государствах чаще всего имеет место.

Как сложится в дальнейшем судьба русских меньшинств в Центральной Азии и других странах бывшего СССР, предугадать трудно. В принципе тут возможны различные стратегии. Первая из них – ассимиляция в состав титульных наций, что по причинам, о которых я уже упоминал, на групповом уровне в Центральной Азии представляется крайне маловероятным. Вторая – ирредентизм, чреватый очень опасными внутренними и международными конфликтами. Третья – борьба за формирование полиэтничных гражданских наций. Успех такой стратегии в настоящих условиях кажется весьма сомнительным, в том числе и потому, что в этом не заинтересованы титульные этно-нации и особенно их политические элиты. Четвертая стратегия – борьба за повышение группового статуса, т. е. за признание этнического меньшинства национальным. Эта стратегия уже была опробована в странах Балтики, и не только в них, но по многим причинам ощутимых успехов не принесла. Отмечу только две из них. Во-первых, русские меньшинства продемонстрировали малую способность к самоорганизации на массовом уровне. Во-вторых, неуклюжее вмешательство, а иногда и открытое подстрекательство, отдельных российских политиков и политиканов в этот деликатный вопрос только усилило подозрения в том, что расширение прав русских меньшинств сделает их потенциальными пятыми колоннами. Таким образом, имеется много оснований полагать, что нынешний статус русских меньшинств в ближайшем будущем существенным образом не изменится.

Остается еще одна стратегия – эмиграция в Россию. Н.П. Космарская убедительно показала, почему в настоящее время она существенно сократилась.

Со стороны ситуация выглядит парадоксальной. Россия переживает демографический кризис, испытывает наплыв нелегальных или полуполигальных эмигрантов, но делает очень мало для привлечения так называемых соотечественников. Однако в будущем все может измениться. Если экономический рост в стране будет продолжаться, а жизненный уровень расти, она снова может стать притягательной для какой-то части русских стран ближнего зарубежья. Едва ли для тех, кто живет в странах Балтики. Они больше смотрят вперед, в Европу, чем назад, в Россию. Закавказье русские в основном уже покинули. О Белоруссии и Украине судить не берусь. К тому же в последней этнические различия отчасти совпадают с региональными. Но русские в Центральной Азии, точнее, в Казахстане и Киргизии, потому что в других странах их осталось не так уж много, остаются потенциальным резервом для эмиграции.

Впрочем, будущее вообще непредсказуемо. Поэтому всякие долговременные прогнозы бесперспективны и, на мой взгляд, это вообще не дело социальных наук – будем довольны, если мы способны достаточно адекватно объяснить настоящее. Н.П. Космарская сделала это на очень высоком профессиональном уровне. Некоторые положения автора кажутся дискуссионными, но таково свойство всех хороших книг. Только тривиальности бесспорны. Я уверен, что для всех, кто изучает этнические проблемы в Центральной Азии, да и многие другие проблемы тоже, ее книга станет необходимой.